

М.Д. ПУТРОВА

ПРИДЫХАНИЕ В РЯДУ ГЕНДЕРНО ЗНАЧИМЫХ ХАРАКТЕРИСТИК АУТЕНТИЧНОГО ГОВОРЕНИЯ (артикуляционные и симптоматические черты)

Показано, что общая частотность придыханий значительно выше в женском говорении в фрагментах с определенными эмоциональными оттенками.

Overall breathy disfluency rates are proved to be much higher in female talking in fragments characterised by specific emotional colouring.

В исследованиях последних лет придыхание все реже рассматривается как одна из характеристик звукового строя языка и осмысливается исключительно как черта фонации, играющая важную роль в осуществлении целого ряда функций. Так, в английском языке фонационное придыхание является составляющей культурно специфического типа голоса, хотя и относительно редко встречающегося, способствует осуществлению характерной для данного языка силабификации, а также участвует в маркировании границы слов, интонационных групп, высказываний (см. Carvalho 2002, 78-79; Laver 1995). В белорусском оно может быть сигналом завершения финального в слове или интонационной группе слога (см. Лебедева 2005). Кроме того, оно может быть манифестировано не только в глухом, но и звонком варианте (см. Laver 1995, 354).

Выход лингвистических исследований за рамки проблем микролингвистики позволил установить еще один вид фонационного придыхания, не связанный с особенностями голоса и произнесением отдельных звуков в определенной позиции. Как правило, такое придыхание только упоминается при перечислении конверсационных (см. ledema 2003) и дисфлуэнтных явлений английского языка (см. Bortfeld 2001). Однако встречается оно не только в говорении англичан и американцев, но также русских и белорусов, достигая, по нашим данным, 5,5 % от общего числа дисфлуэнторов в американском говорении, 4 % - в английском, в русском и белорусском - соответственно 3,5 % и 3,25 %. Представленные показатели получены на основе анализа четырех массивов текстов аутентичного говорения, состоящих из 39 980 слов на английском языке, 40 100 - американском, 39 850 - русском и 40 120 - белорусском, отобранных в соответствии с требованиями корпусной лингвистики (см. Viber 2000).

Наша гипотеза состоит в том, что придыхание как элемент дисфлуэнтного ряда аутентичного говорения соотносится с гендерно значимыми смыслами, способствует реализации тендерной маркированности устных высказываний. Типичным примером такого придыхания является следующий.

1. Ну и что (придыхание)? Мы все тут мы все это знаем (придыхание).

Мы обозначаем вставки в виде придыхания с помощью транскрипционного знака /h/. Последний сознательно выбран нами как, с одной стороны, имеющий общее с известным английским звуком /h/ и поэтому отсылающий к определенному слуховому и артикуляционному образу. С другой - несмотря на то, что /h/ и /h/, фактически, представляют собой одну и ту же букву алфавита, они все-таки отличаются. Выбранный транскрипционный знак, таким образом, подсказывает, что, несмотря на значительную общность их производительного и слухового образа, дисфлуэнт /h/ и звук /h/ не одно и то же. Артикуляционно оба звука однотипны. Вместе с тем звук /h/ все-таки представляет собой несколько иначе ограниченное образование, чем придыхающий дисфлуэнт /h/. Звук /h/, ввиду своей предвокальной дистрибуции (как правило, в начале слога), всегда испытывает ограничения, связанные с тем, что соответствующие супраларингальные части голосового аппарата при его произнесении готовятся к артикуляции следующего

за ним гласного звука, что отражается на особенностях позиции языка, губ, конфигурации фаринкса. Так, фрикции /h/ в /hi:/ отличаются от тех, которые наблюдаются в /hi:/, а также в /he/, /hO:/, /hQ/ и /ha:/.

/H/ перцептивно соотносится, так же как и /h/, с дыханием, с актом придыхания и весьма разнообразен в своих конкретных манифестациях. Однако он не испытывает ограничений, накладываемых артикуляцией последующих гласных, как это имеет место с /h/, ибо /H/-дисфлуэнтор локализуется чаще всего в конце слова, реже слога, т. е. скорее примыкает к предыдущим фрагментам, чем начинает последующие. Функционально /H/ соотносится с разнообразными эмоциональными переживаниями, напряжением, вовлеченностью, возбуждением говорящего. В форме энергичного выдоха /H/-дисфлуэнтор манифестируется достаточно независимо от предыдущих и последующих фрагментов, являясь, по сути, отдельным смыслом, который в наиболее общем виде можно представить как «сброс энергии».

Фоносемантическое поле /H/-дисфлуэнтора, по данным нашего эксперимента, достаточно однотипно и может быть описано как состоящее из разнообразных смыслов возбуждения, волнения, эмфазы или тех, которые можно представить как «выпуск энергии», «сброс напряжения». Введение понятия фоносемантического поля в интерпретационный процесс при обсуждении сущности /H/-дисфлуэнтора представляется весьма полезным, ибо оно позволяет идентифицировать некоторые черты рассматриваемого дисфлуэнтора, отличающие его от других типов. Так, повторы, ложные начала, самоперебивы и т. п. по форме культурно специфичны. Они всегда реализуются в виде определенных знаков языковой системы конкретного языка, например:

2. *Well, th th the story is true, but /H/...*

Подчеркнутые дисфлуэнтные повторы в указанном примере представляют собой реализацию согласной фонемы [ð] английского языка. /H/, однако, не является репрезентантом какой бы то ни было фонемы в русском и белорусском языках.

Данные об употребительности /H/-дисфлуэнтора в вербальном поведении представителей сопоставляемых культур позволяют говорить не только об однотипности содержания, как в случае с другими дисфлуэнторами, но и об общности фонетической реализации. Наблюдается относительно полная фоносемантическая общность, что объединяет /H/-дисфлуэнтор с некоторыми другими дисфлуэнторами, в частности, с так называемыми вокализаторами э-э, мм и т. п. и отличает их от других типов дисфлуэнтных знаков.

/H/-вставки могут представиться несущественной погрешностью, не заслуживающим внимания исследователя отклонением от норм говорения. Пристальное рассмотрение случаев употребления /H/-дисфлуэнторов позволяет не согласиться с таким подходом. Так, в представленном примере 1 /H/-вставки, т. е. придыхания, не безразличны для общей тональности реплики, реализующей их. Они передают некоторое возбуждение говорящего субъекта. Кроме того, если из данной реплики удалить все /H/-дисфлуэнторы и представить ее в письменном виде, то никто из информантов не оказывается в состоянии соотнести ее с каким-нибудь тендером. Максимально аутентичный вид реплики, т. е. со всеми /H/-дисфлуэнторами, представленными в письменном виде с помощью слов «придыхание», «выдох», в некоторой степени меняет ситуацию. 20 % информантов (4 из 20 носителей языка) отмечают, что, возможно, данная реплика сказана женщиной. Еще 10 % считают, что скорее женщиной, чем мужчиной. Другие 10 % предпочитают интерпретировать тендер говорящего в терминах интуиции: «Чувствую, что женщина или девушка, а утверждать наверняка не берусь».

Приведенный процент идентификации оказался весьма типичным для всех сопоставляемых культур. Несмотря на то, что он невысок и высказан-

ные мнения сделаны далеко не в форме уверенного утверждения, а весьма предположительно, все-таки выявленные нами 40-30 % соотношения реплик, включающих /Н/-дисфлуэнт, с женским говорением представляются симптоматичными, позволяющими сделать заключение о значимости обсуждаемого дисфлуэнта в создании соответствующего тендерного образа. Данное заключение подтверждается также фактами частотности /Н/-дисфлуэнта в аутентичном говорении. Так, если принять все /Н/-интрузии в нашем материале за 100 % в одной культуре, то оказывается, что из них соотносятся с женским говорением у англичан 82,5 %, у американцев - 70 %, у русских - 75 %, белорусов - 77,5 %. Данная особенность, вероятно, оказалась запечатленной в сознании информантов и позволила некоторым из них сделать определенные выводы о тендере говорящего, основываясь на письменном тексте только.

Употребление /Н/-вставок в мужском говорении отличается не только общими показателями. Как следует из представленных нами данных, все разнообразие /Н/-реализаций целесообразно свести к двум разновидностям: а) относительно малоупотребительному энергичному выдоху и б) в некоторой степени артикулированному придыханию - знаку эмоциональных состояний. Представленные примеры иллюстрируют исключительно вторую разновидность. Энергичный выдох по общим количественным показателям гендерно почти не дистинктивен: 3,75 % и 4,5 % в женском и мужском говорении соответственно. Однако 4,5 % составляет примерно пятую-четвертую часть всех /Н/-интрузий в мужском вербальном поведении; у женщин, практически, минимальную, незаметную их часть. Кроме того, /Н/-энергичный выдох в значительном количестве женских реализаций (до 60 %) связан с говорением женщин, имеющих и другие черты мужского поведения.

В спокойной речи дисфлуэнт-придыхания регистрируются крайне редко и чаще всего предшествуют или следуют непосредственно за вставками смеха. Так как последние, по нашим данным, в большинстве случаев совершенно по-разному структурируют мужскую и женскую речь, то оказывается, что даже в относительно спокойной речи /Н/-вставки, связанные с заполнителями смеха, чаще манифестируются в вербальном поведении женщин во всех культурах: приблизительно 65 % от общего числа таких придыханий. Однако спокойная речь не главная «территория» существования дисфлуэнтов-придыханий. Таковой для них является речь эмоциональная, отражающая состояния вовлеченности, напряжения, тревоги, смущения, беспокойства, трепета, боязни. Другие эмоциональные состояния крайне редко манифестируются через /Н/-придыхания. С другой стороны, вовлеченность, тревога и другие отмеченные эмоции не обязательно обозначаются с помощью придыханий. Вместе с тем /Н/-заполнители среди многих других средств оказываются заметными знаками равнодушия говорящего. Именно в таких текстах, которые сконструированы в перечисленных эмоциональных состояниях, /Н/-дисфлуэнт имеет устойчивую, хотя и невысокую, частотность. Кроме того, их употребление явно соотносится с определенным тендером. Рассмотрим следующие фрагменты аутентичного говорения.

3. (Говорит женщина 40 лет с высшим образованием): [~ыгы]!*

Кампутарная морда і ўсяго! Нічога перад ім няма і не будзе. Гэта не ты перад ім стаіш, а гэты экран шалёны. Ён цябе не бачыць, ані! Увесь праглочаны, засмоктаны ў гэту сваю пагібель, увесь! Цц!/Н!/ Другі раз гляну, ну прама жаль такі бярэ! Вочы ж такія шэрыя-шэрыя! Шэрыя і з блакітам такім празрыстым. Бывала загледзішся /Н/. Але /Н/ усё

[ ] - данный транскрипционный знак означает носовой характер произнесения приведенного знака внимания. Известный в фонетике знак [-] указывает на назализованность, в то время как в нашем случае артикуляция совершается полностью в носовой полости.

засмоктана, высасана, нават блакіт гэты ягоны празрысты пусты-пусты такі цяпер. Аж балюча! Цяпер ён /Н/ кампутарны дзвіжок нейкі эмм... Раменьчык такі прывадны, ці як яно там завецца, што ўсё пачынае. Вось ён такі ўсю сістэму гэту кампутарную пачынаючы дадатак і ёсць, жупел нейкі кампутарны, а не ў сям'і галава. Нічога не бачыць, не чуе, не ёсць нават, як мае быць. Не існуе, адным словам, а ні! А ні! Анішачкі! Не! Цц! Божачка! /Н/.

4. (Говорит мужчина 44 лет с высшим образованием): Усё, што занадта, тое дрэнь. Ці так, а? От і ён. Апантанасць гэта-а ягоная, занадта гэта. Кампутар яму ўсё! Увесь свет яму ка кампутар. Так! Так!! Калі вась ты калі ты перад ім стаіш, дык ён цябе не бачыць і не чуе. І яно не ўражанне гэта такое, а сапраўды так. Ц-ц! Ууу праграму ягоную залезці і тэкстам з кампутара яго трэба інфармаваць, каб ён цябе пачуў! (г)э-э! Тады, ну от тады ён цябе мо і пачуе. Як-небудзь. Атрымае інфармацыю, значыцца. А так... гыы! Гэта ўсё, што ты яму кажаш, гэта ты можаш і не казаць. Толькі праз тэкст он лайн, толькі так. Гора! Гора! Так што ты..., ета самае, не сатрасай тут паветра сваімі словам!, а думай пра які-небудзь другі падыход да яго. Думай! Тады, нуу тады моа! Тады павінна што-небудзь ат атрымацца. Ці так, ці гэтак. От.

Репрезентация тендера в приведенных фрагментах осуществляется с помощью многих средств. Главным из них следует признать голос, однако он отсутствует в представленных письменных вариантах. Последнее обстоятельство только подчеркивает значимость других, менее очевидных средств, в конечном итоге все-таки указывающих на главный маркер - голос. Такими «подсказывающими» средствами в нашем примере являются следующие: употребление уменьшительных форм «раменьчык» и особенно «анішачкі», частотность прилагательных, в том числе тех, которые обозначают цвет, передача эмоционального состояния с помощью недисфлуэнтных повторов, цель которых - усиление качества («пусты-пусты», «шэрыя-шэрыя»), перебор синонимического ряда опять-таки для усиления какого-то смысла («засмоктана», «высасана»), значительное количество перепадов в диапазоне, частотность фрагментов с узким диапазоном, средним или высоким. В другом случае (пример 4) равнодушие и тендер коммуниканта передаются в категоричных, энергичных утверждениях, в конце которых приходится ставить восклицательные знаки, [г] призыв в междометных восклицаниях, количество прилагательных, использование профессиональных клише («атрымае інфармацыю», «он лайн»), некоторое число повторных начал («ууу», «ка кампутар», «ат атрымацца»).

Если удалить все дисфлуэнторы из записей аутентичного говорения, то получающиеся тексты могут несколько потерять свою естественность. Кроме того, чем более тщательно удаляются дисфлуэнторы, тем больше текст начинает представляться как результат. Наличие дисфлуэнторов в нем позволяет воспринимать его совершенно в другом ракурсе, а именно как процесс, в ходе которого сотворяется или, говоря более современным языком, перформируется некий смысл, который всегда воспринимается в определенной тендерной проекции, маркируемой одновременно с процессом кодирования смысла. И вот в этом переформировании тендера, тендерных проекций смысла высказывания, /Н/-дисфлуэнтор, несмотря на его весьма неравномерное распределение и относительно локальную частотность (имеется в виду сосредоточенность в эмоциональном говорении), данный дисфлуэнтор оказывается весьма заметным знаком определенного тендера.

Суммируя полученные данные об общих показателях /Н/-дисфлуэнторов в речи коммуникантов, можно сказать следующее. Являясь относительно малочастотным знаком, /Н/-дисфлуэнтор достаточно сигнификативен в репрезентации тендера и соотносится чаще с женским говорением, при этом

он в подавляющем ряде случаев способствует реализации эмоциональных сознаний (особенно вовлеченности, возбуждения, взволнованности, напряжения).

Для обобщающей интерпретации изложенных данных целесообразно обратиться к термину «гул языка», введенному в научный обиход Р. Бартом. Последний полагал, что обозначаемое данным термином понятие должно способствовать фиксации процессуальности бытия вербальной среды (Барт 1989, 541). Данный термин позволяет сосредоточиться на форме, на «означающем», отметить некоторые черты объекта исследования именно с данной точки зрения. /Н/-дисфлуэнтор является характерным штрихом в дифференциации говорения по тендерному признаку, концентрируясь в тех его фрагментах, которые передают гендерно специфические эмоции (взволнованность, вовлеченность и т. п.) и, таким образом, отличают речь представителей разных тендеров во всех культурах. Вместе с тем он способствует и реализации общекультурных отличий, участвуя в формировании гула именно английского, американского, русского или белорусского языков. В первом и втором случаях он, объединяясь с /h/-звуком, усиливает лейтмотив придыхания. Если привлечь данные об употребительности /h/-звука в вербальном поведении тендеров, указывающие на значительно более высокую частотность их в говорении женщин (см. Путрова 2002, 104-110), то окажется понятным, почему придыхание оказывается таким ярким и в то же время гендерно дистинктивным образом в языковом гуле именно англичан и американцев.

В языковом гуле русских /Н/-дисфлуэнтор также оказывается значимым компонентом, усиливающим мотив оглушения. Соединяясь с постоянно наплывающими фрагментами оглушенных звонких согласных в определенных позициях, оттеняя и усиливая их, /Н/-дисфлуэнтор участвует в создании культурно специфического гула данного языка. Так как женщины более строго следуют нормам говорения и не допускают редукции конечных согласных в таком объеме, как мужчины, то произнесенные без голоса фрагменты в их говорении оказываются не только более четко представленными, но и усиленными безголосым /Н/-дисфлуэнтором.

В белорусском говорении /Н/-дисфлуэнтор оказывается в противопоставлении со звонким /г/, реализующимся и как полноправный составляющий многих слов, и как дисфлуэнтор-вокализатор /г/, и как конституэнт других дисфлуэнторов - (г)а, (г)эм, го, гы и даже как знак эмоций. Т. е. те значения возбуждения, напряжения и т. п., которые передает придыхание (Н-дисфлуэнтор), могут быть обозначены с помощью /г/-вставок. При этом такое двоякое обозначение эмоций, как с помощью /Н/-, так и /г/-дисфлуэнторов, вполне может наблюдаться в речи одного и того же коммуниканта. Подобное чередование /г/- и /Н/-дисфлуэнторов оказывается весьма специфичным не только в культурном, но и в тендерном плане, ибо именно в мужском говорении звонкий дисфлуэнтный звук или призвук /г/ является значительно более широко востребованным. В результате количественность /Н/-, /г/-фрагментов становится знаком не только культуры, но и тендера.

Установленная на материале четырех языков значимость придыхания в идентификации тендера может показаться, как и вся проблема тендера, «естественной», «биологической» и на том основании не заслуживающей внимания лингвистов, тем более что смыслы, передаваемые дисфлуэнтными придыханиями, практически во всех сопоставляемых культурах идентичны. Такой подход основывается на идущей от Соссюра традиции соотносить лингвистику только с немотивированным знаком, предполагающим арбитральность связей между фонетической формой и репрезентируемым ею смыслом. Новые области исследования языка, особенно интонология, заставляют поставить под сомнение такой подход (см. Couper-Kuhlen 1986,

118; Gussenhoven 2004, 51). Симптоматические черты все чаще оказываются в поле самого пристального внимания лингвистов. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о значимости одной из таких черт, реализуемой в форме дисфлуэнтного придыхания, в плане тендерной маркированности устных высказываний.

ЛИТЕРАТУРА

- Барт Р. Гул языка // Избранные работы. М., 1989. С. 541-544.
- Лебедева И.Г. Слог как маркер степени сформированности артикуляционной базы // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А. Гуманитарные науки. 2005. № 1. С. 174-176.
- Путрова М.Д. К проблеме интерпретации тендерных различий в языке // Там же. 2002. №4. С. 104-110.
- Biber D., Conrad S., Reppen R. Corpus Linguistics. Cambridge, 1998.
- Bortfeld H., Leon S.D., Bloom J.E., Schober M.F., Brennen S.T. Disfluency Rates in Conversation // Language and Speech. 2001. 44 (2). P. 123-147.
- Carvalho J.V. What Are Phonological Syllables Made of? // Phonetics, Phonology and Cognition / Ed. J. Durand, B. Laks. Oxford, 2002. P. 51-79.
- Couper-Kuhlen E. An Introduction to English Prosody. Tübingen, 1986.
- Gussenhoven C. Intonation and Language. Cambridge, 2004.
- I d e m a R. Putting Schegloff's principles and practices in context // Discussing conversational analysis. 2003. P. 65-90.
- Laver J. Principles of Phonetics. Cambridge, 1995.

Поступила в редакцию 23.01.06.

Мария Дмитриевна Путрова - кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Полоцкого государственного университета.